

Э.И.Колчинский

**ВЗГЛЯД ИЗ РЕКТОРАТА НА БИОЛОГИЮ
В ЛЕНИНГРАДСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
(Интервью с академиком А.Д.Александровым)**

Крупный советский математик Александр Данилович Александров в 1952-1964 гг. был ректором Ленинградского государственного университета. В эти годы продолжала процветать политика надзора министерств и партийных комитетов за подбором кадров и содержанием учебных программ. В биологии по-прежнему существовали псевдонаучные измышления типа "творческого дарвинизма" Т.Д. Лысенко и "клеточной теории" О.Б.Лепешинской, которые еще находили высоких официальных покровителей. Так, первый секретарь ЦК КПСС Н.С.Хрушев не только всячески поддерживал Лысенко, но даже добился включения в программу КПСС положения о необходимости развития мичуринской биологии. И хотя в стране начался процесс возрождения генетических исследований, оценки и выводы августовской сессии ВАСХНИЛ не подвергались сомнению в официальной идеологии.

Вместе с тем в стране развернулась борьба с лысенковщиной. Наряду с Ботаническим институтом АН СССР одним из главных центров этой борьбы стал Ленинградский университет. Преподаватели и профессора этого университета выступили застрельщиками дискуссии по виду и видообразованию, которая фактически положила начало ревизии итогов августовской сессии ВАСХНИЛ и в значительной степени подорвала абсолютную монополию антидарвинистских воззрений Лысенко в печати. На биолого-почвенном факультете ЛГУ была возрождена кафедра генетики, заведующий которой М.Е.Лобашев написал первый учебник по генетике, а университет выпустил его в свет. Эти события стали возможны благодаря твердой антилысенковской позиции, занятой ведущими учеными факультета (Н.Л. Гербильский, Г.А.Новиков, Ю.И.Полянский, А.Л.Тахтаджян и др.), а также неизменной поддержке их со стороны ректората. Ректор университета академик А.Д. Александров постоянно выступал с поддержкой решений ученого совета биолого-почвенного факультета и предпринимал все возможные меры для предотвращения некомпетентных вмешательств в преподавание и научную деятельность.

О некоторых событиях, связанных с парированием подобных вмешательств со стороны Министерства высшего и среднего образования РСФСР, и шла речь в интервью с академиком А.Д.Александровым, которое провели Д.А.Александров и Э.И.Колчинский.

Вопрос. Какое впечатление сложилось у Вас об обстановке на биолого-почвенном факультете при вступлении в должность ректора ЛГУ в 1952 году?

Ответ. Первая запомнившаяся мне официальная встреча с ведущими преподавателями факультета состоялась по поводу приказа министра высшего и среднего

образования РСФСР о внедрении в курсы лекций учения О.Б.Лепешинской. Я пригласил биологов к себе в кабинет и сообщил им о содержании этого приказа. Все согласились и разошлись. Дней через пять я встретил одного из участников этого совещания и в разговоре с ним выяснил, что он считает учение Лепешинской "собачьей чушью" и не собирается о нем говорить на лекциях. Потом аналогичный разговор был еще с одним участником совещания, и я понял, что почти все профессора факультета не признают измышления Лепешинской, а лишь имитируют свое согласие. Правда, среди факультетской профессуры был заведующий кафедрой цитологии П.В.Макаров, который, хотя также понимал абсурдность концепции Лепешинской, поддерживал ее повсюду из каких-то соображений. Но это уже не имело значения в университете. Хотя мне был преподан урок, что не всегда биологи готовы открыто высказывать и отстаивать свои взгляды, мы познакомились. Вся министерская затея с Лепешинской закончилась ничем: приказ министра попросту не был выполнен. И это не один такой был случай, когда мы на министерские приказы не обращали внимания.

Вопрос. В январе 1954 года на философском семинаре биолого-почвенного факультета (руководитель семинара — заведующий кафедрой дарвинизма К.М. Завадский) состоялась оживленная дискуссия по проблемам вида и видообразования. В этой дискуссии участвовали и Вы. Что побудило Вас, математика по специальности, выступать по сугубо биологическим проблемам?

Ответ. Дело не в том, что я — математик, а в том, что я был ректором. Я, знаете, относился к ректорству не как к креслу, а как к долгу перед университетом. Мой долг был защищать науку в стенах университета всеми возможными способами. Способы разные были... Вот нужно было выступать на совещании... И до этого совещания началась борьба с Лысенко. Тогда кафедрой генетики на факультете заведовал Н.В.Турбин. В свое время он поддерживал Лысенко. Правда, видимо, все, кто после 1948 года остался на факультете, в какой-то степени были небезгрешны в этом отношении. Кто оставался тверд и непоколебим, тот изгонялся с факультета. И таких было очень мало. Но тот же Турбин и начал борьбу с Лысенко в Ленинграде. Он на заседании Ленинградского общества естествоиспытателей выступил (заседание специально было против Лысенко), статьи против начал писать. Поскольку выступление против Лысенко было делом серьезным, то и все такие заседания биологи проводили в актовом зале. А раз актовый зал, — то дело приобретает общеуниверситетское значение, публичный характер — становится общественным действием.

Критику Лысенко все начинали с проблемы вида и внутривидовой борьбы. Во-первых, никто тогда с решениями сессии ВАСХНИЛ спорить не решался, и при публичных выступлениях их хвалили. Во-вторых, про вид-то всем биологам и небиологам уже было ясно, что идеи абсурдны. И надо было ясной критикой подорвать авторитет Лысенко у власть предержащих.

Кстати, а про наследование благоприобретенных признаков далеко не всем было ясно, что это чепуха. Я отлично помню, как мой знакомый биолог, однокуртник моей сестры, на мой вопрос о Лысенко и генетиках (он был прекрасным физиолог растений) с искренним энтузиазмом сказал: "Дело в том, что Лысенко — гений, а все — пигмеи". И он не один был, по крайней мере до самой августовской сессии 1948 года. Тогда политика перекрыла уже все мысли о науке...

В этих-то условиях и была в актовом зале университета затеяна большая дискуссия по виду и видообразованию. С основным докладом выступил Турбин. Особых споров не было. Большинство выступавших были согласны с тем, что точка зрения Лысенко вздорна. Но мне запомнилось выступление философа В.И.Колодяжного, который заявил, что все эти вопросы надо рассматривать, опираясь на суждения классиков марксизма-ленинизма, а также на экспериментальные данные. Это у нас вообще так любили и любят делать: сперва опираться на начальство, философию и тому подобное, а потом уже — на эксперименталь-

ные данные... Ну, ведь у нас любое решение не специалисты принимали, а обкомы или ЦК КПСС: канал Волга — Чограй, поворот рек... Почему-то еще в медицине хоть не спрашивали у обкома или парткома, какую операцию больному делать... Впрочем, мы сейчас не об этом...

Выступал я в самом конце — "прикрывал собой дискуссию", поддержав и Турбина, и других выступавших биологов. Тогда, конечно, приходилось делать все осторожно, и в своем выступлении я сказал, что выступавших ни в коем случае обвинить в ревизии решений сессии ВАСХНИЛ нельзя и никто-де и не собирается ее ревизовать, а критикуют взгляды Лысенко, о которых и речи на сессии 1948 года не было. И я знаю, что биологи были рады тому, что я пришел, и тому, как выступал.

В этой истории Турбин получил поддержку не только на факультете, но и в ректорате. Правда, опасаясь возможных репрессий, он все-таки решил уйти из университета. Избрание действительным членом Белорусской академии наук позволило ему покинуть университет. Он переехал в Минск.

Вопрос. А какие последствия эта дискуссия имела для ее организаторов? Были ли попытки административных мер против них?

Ответ. Прямо связанных с дискуссией подобных попыток я не припомню. Но после дискуссии оживились действия министерства, направленные на возвращение ближайшего сподвижника Лысенко — И.И.Презента. Презент заведовал кафедрами дарвинизма и в Москве, и в Ленинграде одновременно. В течение ряда лет он буквально терроризировал преподавателей нашего университета. Мой предшественник на посту ректора А.А.Ильюшин и секретарь партбюро университета В.И.Лебедев приложили немало усилий для изгнания этого негодяя с факультета. Это удалось сделать только в ноябре 1951 года. Презенту тогда инкриминировалось: развал научной и педагогической работы на факультете, нарушение дисциплины, приписывание часов занятий, которые проводили другие сотрудники кафедры, засорение лабораторий физиологии растений и физиологии развития животных сотрудниками, непригодными к научной работе. Не был он чистоплотен и в моральном отношении. Не помню точно, но, кажется, ему в довершение всего пришили троцкизм. За все это он был уволен и исключен из партии. Однако, используя высоких покровителей, весной 1953 года Презент восстановился в партии и стал добиваться возвращения в университет. Кафедрой дарвинизма тогда заведовал К.М.Завадский. И вот пришел приказ из Министерства высшего образования РСФСР о возвращении Презента и увольнении Завадского. Я все время ругался по поводу этого приказа с заместителем министра М.А.Прокофьевым, которому пытался объяснить, что неприлично выгонять с работы Завадского, вполне справляющегося со своими обязанностями. Но министерство продолжало настаивать.

И вот в мае 1954 года проходил партактив Ленинграда, посвященный "ленинградскому делу". На совещании присутствовал и Н.С.Хрущев, который предложил отметить 250-летие основания Ленинграда позднее реальной даты. Помню, я как-то сказал по этому поводу историку С.И.Ковалеву, что из-за "ленинградского дела" придется историкам доказывать, что Петербург основан не в 1703 году, а позже.

Выступая на активе, я и брякнул, что к нам министерство внедряет Презента, а я этому препятствую и не выполняю приказ. Раздались аплодисменты. Хрущев бросил реплику: "Ваша точка зрения меньшевистская. Как это Вы не выполняете приказы?" А в заключительном слове в конце партактива Хрущев кричал: "Как это ректор не выполняет приказы? За это с работы снимают, за это из партии исключают, а в военное время — расстреливают". Нельзя сказать, что меня его высказывания напугали. И действительно, через несколько дней секретарь по идеологии Н.Д.Казьмин передал свой разговор с Хрущевым. Оказалось, что тот был возмущен не столько моими словами, сколько последовавшими за ними аплодисментами. Хрущев уверял, что вынужден был парировать подобное одобрение невыполнений приказов. Хрущев спросил у Казьмина, как я работаю, и,

получив положительный отзыв, сказал: "Ну пусть и дальше работает". Поэтому я испытываю весьма теплые чувства к Хрущеву. Он хотя и был дикий, но все-таки человекообразный. Вспоминаю свой разговор с Турбиным по поводу истории с Презентом. Он сказал: "Александр Данилович, не сдавайтесь. Если Вас и выгонят, вы уйдете в лучах славы".

На следующий день после партактива Презент пришел в университет, будучи уверен, что его обязательно восстановят, но получил отказ. На этом история не закончилась. Вскоре я получил приказы министра В.Н.Столетова и зам.министра В.П.Елютина — с требованием уволить Завадского. Я их опять проигнорировал. Как сказал Пушкин: "Но ты останься тверд, спокоен и угрюм". Правда, Казьмин еще не раз вызывал меня в обком и требовал, чтобы уволили Завадского, так как в противном случае увольят и Александрова, и Кузьмина. Иногда вместе со мной вызывали и секретаря парткома университета Бережного. Но мы и вдвоем, потупив головы, отвечали: "Мы не можем". Единственное, на что мы согласились, — исправить запись в трудовой книжке Презента. Мы вписали, что в соответствии с приказом министерства отменяется приказ ректора об увольнении Презента за нарушение дисциплины и т.д., и записали, что он уволен в связи с переходом на другую работу. Так вроде и приказ министра выполнили, и Презента не пустили на факультет.

Вопрос. В книге Р.Л.Берг "Суховой", напечатанной в Нью-Йорке, сказано, что она все время подвергалась гонениям в университете, ее держали на полставки ассистентом, а Вы были ее защитой от гонителей.

Ответ. Да, я оказывал ей содействие в организации общеуниверситетского семинара по кибернетике и математической биологии. Более того, без подобной поддержки семинар вряд ли мог бы существовать, поскольку кибернетика тогда подвергалась таким же гонениям, как и генетика. Я был как-то на собрании партактива в Московском университете, где секретарь парткома сказал, что где-то кто-то занимается кибернетикой, а мы это не контролируем. После партактива я пришел в ЦК КПСС и сказал заведующему отделом науки, что это было заседание не университета, а жандармского управления. Подобные силы были и у нас в университете, и в ленинградских партийных кругах, которые старались подвести под семинар различные "мины". Естественно, я защищал кибернетику и ее сторонников. Что касается полставки Р.Л.Берг, то здесь, видимо, были всяческие пакости, связанные с ее национальностью. Возможно, у меня даже был насчет нее какой-то разговор с С.И.Катькалой, который уже тогда был заведующим отделом кадров, чтобы ей не чинили препятствий. Не помню...

Вопрос. Ленинградский университет был первым среди высших заведений, где был восстановлен курс подлинной генетики, началась подготовка генетиков и был даже выпущен учебник М.Е.Лобашева "Генетика". Как могло такое произойти, если уже к середине 50-х годов отчетливо проявились симпатии Хрущева к Лысенко и соответственно его неприязнь к генетике? В 1958 году, исполняя его распоряжение, Президиум АН СССР даже разогнал редакцию "Ботанического журнала", которая возглавлялась В.Н.Сукачевым, ставшим к тому времени лидером антилысенковской борьбы в биологии.

Ответ. После избрания Н.В.Турбина академиком в Белоруссию на место заведующего был приглашен крупный ученый и серьезный цитогенетик М.С.Навашин, но он весьма прохладно относился к своим обязанностям. Навашин был настоящий "менделист-морганист" и даже никак не был замешан в лысенковщине, но на кафедре у него, может быть, характера не хватило... или здоровья. Сам он лекций не читал, а в целом на кафедре продолжали работать сторонники мичуринской генетики. Ну, то есть, может быть, и не все сторонники были, но официально и внешне все было очень мичуринское.

В 1957 году Навашин отказался от заведования кафедрой, и началась борьба вокруг места. Большинство сотрудников факультета высказывались в пользу М.Е.Лобашева, который был изгнан с факультета после августовской сессии

ВАСХНИЛ. Но против него повели кампанию люди вне университета, поддержанные Н.П.Дубининым. Тогда я впервые столкнулся с Дубининым и ознакомился с его методами. Против Лобашева был выдвинут Д.Ф.Петров. Он весьма эффектно выступил на ученом совете университета, обвиняя Лобашева в лысенковщине. Но ничего не вышло. Ученый совет предпочел Лобашева.

Лобашев много сделал для возрождения генетики в университете. Сам читал лекции и приглашал для чтения лекций крупнейших специалистов. На кафедре дарвинизма читала курс лекций по эволюционной генетике Р.Л.Берг. Кстати, по ее инициативе у меня состоялся разговор с Н.В.Тимофеевым-Ресовским на предмет его устройства на работу в университет, но он по какой-то причине не проявил серьезной заинтересованности в этом предложении.

Неприятности начались, когда Лобашев сдал в печать свой учебник. В Горлите его начальник Шанин учебник не пропустил. Как объяснял мне проректор С.И.Тюльпанов, Шанину скоро предстояло уходить на пенсию, и он не хотел рисковать. Тогда я позвонил секретарю обкома А.П.Филиппову и сказал: "Александр Петрович, Вы прогрессивный человек, дайте указание издать учебник Лобашева. Там нет ничего о положении в советской биологии. Мичуринской биологии отдано должное. Это чистая наука". В ответ он меня спросил: "Вы ручаетесь?". И тут я почувствовал, как холодное лезвие гильотины коснулось моей шеи. Поэтому я напустил еще металлу в голос и твердо сказал: "Да, я ручаюсь". Учебник напечатали. Потом мне говорили, что Филиппов в Горлите сказал: "Пропускайте учебник. Ученые университета ручаются".

Все было бы хорошо, но профессор Сельскохозяйственного института М.Лебедев вылез на каком-то Пленуме ЦК КПСС с поношением лобашевского учебника. А у нас принято, если какой-нибудь дурак что-то сказал на пленуме, то это сразу превращается в директиву. Я не помню подробно всех событий, так как этим делом занимался проректор В.Ф.Барабанов. Но были интересные моменты. Министром высшего образования в РСФСР был тогда Всеволод Николаевич Столетов. Одним из его заместителей был некий Никишов. Он встречает меня, весь красный, глаза на ниточках. Говорит мне: "Из-за Вашего учебника речь идет о снятии Всеволода Николаевича". Суть дела была в следующем: из ЦК пошли такие флюиды, что мол, в Ленинградском университете крамола, министр виноват, надо его уничтожить.

Сельским хозяйством в ЦК КПСС ведал Д.С.Полянский, который на каком-то заседании облял Столетова: мол, мы Вам покажем за этот учебник. Но Столетов был мудрый, как змий. Не менее мудрым был Председатель Совета Министров РСФСР Г.Воронов. Получив соответствующую бумагу из ЦК против учебника и нашего университета, Г.Воронов положил ее под сукно, не дал ходу. А Столетов, как положено, создал комиссию, включив туда и сторонников Лысенко, и его противников. Естественно, такая комиссия не могла прийти к единому выводу, зато заседали очень долго. Поэтому ничьи головы не полетели.

Благополучно все закончилось и в Ленинграде. Правда, первый секретарь обкома В.С.Толстиков грозил мне: "Мы Вас за генетику еще накажем!". Но я тогда твердо ответил ему: "Мы можем покаяться за пьянки студентов, за их драки с неграми. За генетику мы никогда каяться не будем. Это наука". Столь же тверды были и другие ученые университета. Так, заведующий кафедрой зоологии беспозвоночных Ю.И.Полянский заявил на общеуниверситетском партсобрании, что как редактор книги полностью принимает на себя ответственность за ее содержание. Вскоре был снят Хрущев, и кошмары вокруг генетики закончились. Лысенко был осужден научной общественностью. Мы оказались полностью правыми.

Вопрос. Из Вашего рассказа следует, что за возрождение кафедры генетики, подготовку генетиков, выпуск учебника по генетике не было особых неприятностей. Шла обычная борьба, которая сопутствовала выпуску многих книг.

Ответ. Это не совсем обычная борьба. Во-первых, действительно могли и меня снять, и Лобашева выгнать. Это, знаете, не совсем обычная ситуация. Я Вам не

желаю таких ситуаций. Но это не главное. Главное, что она отличалась от всех остальных ситуаций тех непростых лет тем, что среди нас не было колеблющихся. Когда начались неприятности, я собрал всех крупных биологов и сказал, что в этих условиях не должно быть колеблющихся. Надо стоять насмерть. Самое страшное начинается тогда, когда под давлением сверху начинают говорить, что в критике есть рациональное зерно. Всякие страхи и колебания надо отбросить. Наша позиция должна быть твердой. Ничего нет — и точка. В учебнике — наука, и говорить больше не о чем. Все согласились. Никто из биологов не предал. И это сыграло большую роль в благополучном разрешении конфликта. Я даже могу сказать, что я счастлив, что работал с такими настоящими людьми, как Лобашев и Ю.И.Полянский. Благодаря таким людям университет и наука сохранились.

Вопрос. После разгона редколлегии "Ботанического журнала" был осужден и учебник по дарвинизму, подготовленный у Вас в университете. Среди его авторов были З.И.Берман, К.М.Завадский, А.Л.Зеликман, В.И.Полянский, С.С.Хохлов. Так вот, профессора Саратовского университета Хохлова вызвали в обком партии и потребовали или отказаться от участия в учебнике, или положить партбилет. Как эти события отразились на Вашей кафедре дарвинизма? Завадский говорил мне, что Вы его тогда защитили.

Ответ. Эти события как-то не запомнились мне. Возможно, от меня где-то и требовали отставки Завадского с заведования кафедрой. Я вспоминал только-что о таких случаях, но мне кажется, что это было в связи с Презентом.

У меня с Завадским всегда были хорошие отношения. Мы с ним часто беседовали о виде, о видообразовании. Собственно говоря, биология меня всегда интересовала. Я еще студентом физфака пришел к Догелю на кафедру зоологии беспозвоночных и сказал, что хочу заниматься биологией из общего интереса. Простейшие, по-моему, тогда мне были интересны. Тогда же прочитал книгу Т.Моргана "Структурные основы наследственности", книгу Ж.Леба об организме и другие разные книги. Но, конечно, совместить физику и занятия биологией (Догель предложил мне работу с микроскопом) было трудно. Так это ничем и кончилось.

Мне всегда было просто интересно общаться с биологами. Я помню, что говорил Завадскому о сходстве эволюции языков и видов, где изоляция играет главную роль в формировании нового. Но почему-то его это не заинтересовало. Так что мы не только какие-либо общие университетские или политические дела вместе делали, но и о науке разговаривали. В конце концов, ведь в науке поиски истины — самое интересное.

Вопрос. В 1959 году Завадский тяжело заболел, кафедра дарвинизма фактически осталась без заведующего и в конечном счете была закрыта. Пытались ли Вы как-то найти замену Завадскому? В частности, почему факультет отказал такому выдающемуся биологу-эволюционисту, как М.М.Камшилов?

Ответ. Подбор кадров — это было внутреннее дело факультета. Я в эти дела не вмешивался. Моя задача как ректора заключалась только в том, чтобы помогать биологам в случае опасности. В борьбе с лысенковщиной они, возможно, были столь тверды еще и потому, что знали, что руководство университета придет им на помощь в отстаивании науки. Я всегда считал, что наука — есть наука. И здесь никакие компромиссы невозможны. Маркс говорил, что считает низким человека, который пытается науку приспособить для своих целей. Именно таким человеком был Лысенко и его сподвижники.

Для меня такая позиция была полностью неприемлема. Иначе можно было вести себя только в сталинскую эпоху, когда за непослушание грозили тюрьма и смерть, то есть можно понять, почему в сталинское время люди на многое соглашались. Сейчас всех разоблачают за то, что они себя не так, как надо, вели в 30-е и 40-е годы. Это, знаете, сейчас легко делать. И ученых ругают — тех, что дрогнули в 40-е годы. А ведь те, кто сейчас их ругает, еще недавно сами сидели и помалкивали. Те же, кто решался и в 60-е или в 70-е годы что-то говорить, сейчас никого не разоблачают, а делают свое дело дальше. Многие из тех, кто

дрогнул после сессии ВАСХНИЛ или даже лысенковцем был, в 50-е годы стали защищать науку — было страшно, но уже не так.

А ведь и в 50-е годы люди дрожали. Писатели Пастернака осудили на изгнание. А я думаю, что дело было тогда не в Хрущеве, а в писателях. Если бы они не дрогнули и отказались, то и Хрущев бы одумался.

В 50-е годы нужно было бороться — здесь уже угрожала только потеря места, за которое я никогда не держался. И на биолого-почвенном факультете преобладала та же точка зрения. Мы действовали всегда вместе.

Кроме того, у меня уже был опыт такой деятельности даже в 40-е годы. Как-то в 1949 году один из сотрудников математико-механического факультета написал в ЦК КПСС письмо с разоблачением формализма в теории множеств. Эта ситуация обсуждалась на совещании у декана. Я выступил твердо против и сказал, что все это ерунда, здесь нет науки, а есть лишь желание подсидеть определенных людей. Партбюро предложило провести дискуссию. Хорошо. Я уже на следующий день утром приношу в партбюро тезисы о формализме в математике. Первый завладеваю трибуной и тем самым предопределяю ход разворачивающейся дискуссии — формализм мы раскритиковали, а в советской математике, а тем более в нашей университетской, никаких формалистов не нашли. Дискуссия прошла без так называемых оргвыводов. Инициатор ее, желавший разоблачить своих коллег, тогда пытался сказать, что дискуссию подменяют и уводят в сторону, ну и так далее. Но его уже никто не стал слушать. Внешне это, конечно, выглядело серьезно, а с нынешней точки зрения и скверно — идеализм в математике и все такое прочее. Но дискуссия уже была спровоцирована — письмо в ЦК было серьезным делом. И главное было — не дать погубить ученых и науку. Надо было действовать быстро и твердо.

Вообще твердость в научной позиции и энергичное ее отстаивание были очень важны во взаимоотношениях с партийными функционерами. Ведь им была совершенно безразлична суть обсуждаемых проблем. Их тревожила только угроза потерять место из-за "идеологических ошибок" людей, им подчиненных. И, наталкиваясь на непримиримость ученых, они часто отступали.